

Елена К.
Бюро по исправлению
нелепых совпадений

Елена К.

**Бюро по исправлению
нелепых совпадений**

«Автор»

2026

К. Е.

Бюро по исправлению нелепых совпадений / Е. К. — «Автор»,
2026

Арсений работает в Бюро по исправлению нелепых совпадений. Каждый день к нему приходят люди с жалобами: зонт сам устраивает ливни, будильник допрашивает хозяина, утюг гонится за складками судьбы, а холодильник пришёл жаловаться на йогурт-диссидента. Но главное — Арсений и его команда (кот-консультант, одуванчик-стажёр, папка-журавль и будильник в шляпе) не чинят аномалии. Они учат людей не бояться странного, а слушать его. Это история о мире, который не ломается, а просто разговаривает — через тёплый хлеб, воробья на ветке и тихий голос в телефонной трубке: «Я тут. Ты справишься». Для тех, кто устал бежать и забыл, как пахнет утро.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Все Главы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Елена К.

Бюро по исправлению нелепых совпадений

Все Главы

Арсений пришёл на работу ровно в 9:03. Он не любил приходить ровно в 9:00 — ему казалось, что это слишком подозрительно, будто он чересчур старается. А в Бюро по исправлению нелепых совпадений старались ровно настолько, чтобы кофеварка не взорвалась от напряжения. Это была легендарная кофеварка: она не просто варила кофе, она будто вела с миром какой-то молчаливый спор о смысле жизни, и каждый раз, когда кто-то нажимал кнопку, казалось, что сейчас она выдаст не эспрессо, а философский трактат.

— Опять ты на три минуты позже, — буркнула Лида, не отрываясь от монитора. На экране мелькали строчки, которые выглядели как таблица, но вели себя как стихи: каждая ячейка заканчивалась рифмой. «Цена», «срок», «заказ», «сразу» — всё это складывалось в какой-то невольный куплет, будто таблица решила, что скучные отчёты — это преступление против искусства.

Лида работала в бюро дольше всех и уже давно перестала удивляться. Она воспринимала странности как погоду: если идёт дождь — надень плащ, если ячейки рифмуются — просто не читай их вслух, чтобы не подхватить ритм и не начать невольно подпевать.

— ЧП, — коротко бросила она, щёлкнув мышкой так, будто пыталась выбить из компьютера здравый смысл.

Арсений вздохнул, но без драматизма — он давно научился экономить эмоции на старте дня.

— ЧП — это когда кофеварка объявляет забастовку, — спокойно ответил он, вешая куртку на вешалку, которая, по негласной традиции, всегда цепляла только левый рукав, будто намекала, что симметрия — это иллюзия. — А всё остальное мы сглаживаем.

Лида подняла бровь — это был её фирменный жест, который означал одновременно «ты слишком спокоен», «сейчас будет хуже» и «но я всё равно на твоей стороне».

— Сегодня ЧП — это человек, который утверждает, что его почтовый ящик начал отвечать. Причём вежливо. И с пунктуацией.

Арсений поморщился. Вежливость в сочетании с аномалиями всегда пугала его больше, чем откровенный хаос. Хаос можно было как-то структурировать, а вежливость подразумевала, что кто-то (или что-то) осознанно соблюдает правила — и это уже пахло планом.

Он взял бланк, который тоже вёл себя странно: стоило написать слово «совпадение», как оно тут же подсвечивалось и предлагало синонимы вроде «злой умысел судьбы», «шутка космического масштаба» и даже «системная ошибка мироздания». Арсений хмыкнул и написал: «Принято. Будем разбираться».

Через пять минут он уже шёл по улице, стараясь не смотреть на собственные ноги — в последнее время ему казалось, что асфальт чуть-чуть подталкивает его в нужную сторону, будто город сам решал, куда ему идти. И это было не то чтобы неприятно, но слегка унижительно: как будто ты взрослый самостоятельный человек, а мир ведёт тебя за руку, как ребёнка, который всё время хочет свернуть не туда.

Тень рядом с ним вдруг сказала: «Поворот направо, там спокойнее».

Арсений замер так резко, что прохожий за его спиной едва не врезался в него, пробормотав что-то про «людей, которые тормозят посреди тротуара».

— Ты сейчас... заговорила? — тихо спросил Арсений, будто боялся, что если скажет громче, то привлечёт внимание и других теней, и тогда начнётся коллективное обсуждение его жизненных решений.

Тень помолчала, будто подбирала слова. Или, возможно, согласовывала их с какой-то внутренней этикой теней — ведь раньше она ограничивалась тем, что просто повторяла его движения.

— Ну, не то, чтобы заговорила. Просто подумала вслух. Тебе полезно знать, что за углом кот устраивает митинг против гравитации.

Арсений посмотрел на тень. Тень смотрела на него. Или, точнее, смотрела туда, куда обычно смотрят тени — немного вниз и вбок, но с выражением, которое можно было принять за сочувствие.

— Это что, новая норма? — спросил он, чувствуя, как в груди шевелится то самое чувство, которое он старался держать под замком: паника, замаскированная под любопытство.

— Не знаю, — честно призналась тень. — Но я читала инструкцию. Там сказано: «Если мир становится странным, не спорь с тенью. Это экономит время».

Арсений поправил воротник и пошёл вперёд. Где-то внутри него шевельнулось чувство, которое он давно не испытывал: любопытство. И ещё чуть-чуть — азарт. В конце концов, если уж мир решил устроить комедию, можно хотя бы посмеяться. Или хотя бы не заплакать.

За углом действительно сидел кот. Он не мяукал, не шипел и не делал ничего, что коты обычно делают, чтобы привлечь внимание. Он просто сидел, выпрямившись, будто председатель на собрании, и смотрел на тротуар с таким видом, будто гравитация — это чья-то личная прихоть, которую пора отменить. Рядом с ним лежали три скомканных листка — видимо, черновики петиции.

— Митинг, значит, — пробормотал Арсений, присаживаясь на край скамейки, которая тут же скрипнула, будто тоже хотела высказаться.

Кот перевёл на него взгляд — тяжёлый, многозначительный, почти человеческий.

— Вы из бюро? — спросил он неожиданно низким голосом, от которого у Арсения по спине пробежал холодок.

— Э-э... в некотором роде, — осторожно ответил Арсений.

Кот фыркнул — звук получился удивительно саркастичным.

— В некотором роде. Все вы так говорите. А потом пишете в отчёте: «Животное проявляло признаки осознанной речи». Как будто это делает ситуацию менее странной.

Арсений почувствовал, что попал в ловушку: если он согласится, то подтвердит абсурдность происходящего; если возразит — выглядит как человек, который спорит с котом.

— Я просто пытаюсь понять, в чём проблема, — честно сказал он.

Кот вздохнул — глубоко, театрально, будто репетировал эту сцену всю жизнь.

— Проблема в том, что мир забыл, что он — мир. Он стал слишком серьёзным. И теперь даже гравитация ведёт себя так, будто у неё есть план. А у меня, между прочим, есть право на свободный полёт.

Арсений кивнул, потому что в этот момент кивок казался самым безопасным действием.

— Понимаю, — сказал он, хотя на самом деле не понимал ничего, кроме того, что день явно не собирался быть обычным.

Кот прищурился, будто оценивал его искренность.

— Хорошо. Тогда вот тебе первое задание: попробуй объяснить этому тротуару, что я имею право сидеть здесь и не падать вниз. Если получится — я тебе помогу с твоим почтовым ящиком.

Арсений посмотрел на тротуар. Тротуар смотрел на него. Или, по крайней мере, лежал там с таким видом, будто был в курсе всех дел и не собирался уступать ни сантиметра.

И в этот момент Арсений понял: день будет долгим. Но, возможно, не таким уж плохим. В конце концов, когда мир начинает разговаривать, самое главное — не забыть, что ты тоже умеешь отвечать.

Арсений ещё пару секунд посидел, глядя на тротуар, будто надеялся, что тот смутится и сам отодвинется. Тротуар держался стойко — камень есть камень, ему не до сантиментов.

— Ладно, — пробормотал Арсений, обращаясь скорее к вселенной, чем к кому-то конкретно. — Я попробую договориться.

Он наклонился и вежливо постучал по брусчатке костяшками пальцев, как в дверь.

— Извините, уважаемый тротуар. Тут кот... э-э... отстаивает своё право на антигравитационное сидение. Не могли бы вы сегодня быть чуть менее... настойчивым? Ну, ради разнообразия.

Тротуар не ответил. Но зато из щели между плитками высунулся одуванчик и тихо, но отчётливо вздохнул. Арсений замер.

— Ты тоже в этом участвуешь?

Одуванчик виновато опустил головку, будто понял, что выдал себя.

Кот фыркнул с таким видом, будто всё это было ниже его достоинства:

— Видишь? Даже флора уже в сговоре. Это не тротуар, это целая экосистема с амбициями.

Арсений выпрямился, поправил воротник и постарался выглядеть так, будто вести переговоры с брусчаткой — обычное дело.

— Хорошо. Тогда предлагаю компромисс. Ты, кот, не требуешь полного отрицания гравитации, а ты, тротуар, не давишь на кота морально. Пусть будет... нейтральная гравитация. Как в отпуске.

Кот прищурился, обдумывая.

— Нейтральная гравитация? Звучит как бюрократическая уловка. Но ладно. Я готов рассмотреть этот вариант. При условии, что ты потом поможешь мне составить жалобу в Управление по делам физических законов.

— Договорились, — кивнул Арсений, чувствуя, что только что подписал контракт, который потом будет сложно объяснить в бухгалтерии бюро.

В этот момент у него в кармане завибрировал телефон. На экране высветилось: «Лида (с пометкой: СРОЧНО, НО НЕ ПАНИКУЙ)».

— Арсений, у нас новое развитие ситуации, — голос Лиды звучал подозрительно спокойно, а это всегда было плохим знаком. — Почтовый ящик не просто отвечает. Он начал вести переписку с самим собой. И теперь утверждает, что он — это ты.

— В каком смысле «он — это я»?

— В смысле: он рассылает от твоего имени письма вроде «Я всегда знал, что гравитация — это заговор канцелярии» и ставит подпись «Арсений, Бюро по исправлению нелепых совпадений». Уже три адресата получили. Один из них — министр транспорта.

Арсений закрыл глаза и глубоко вдохнул.

— Я сейчас вернусь в офис.

— Не торопись, — быстро сказала Лида. — Тут ещё кое-что. Папки начали складывать из себя оригами. Сейчас у нас на столе журавль, который пытается взлететь, и конверт, который настойчиво предлагает себя отправить. А календарь показывает завтрашнюю дату, но при этом настаивает, что сегодня — среда. Причём так уверенно, что даже я начала сомневаться.

Арсений посмотрел на кота. Кот смотрел на него с выражением «ну, я же говорил — мир сошёл с ума».

— Слушай, — сказал Арсений коту, — если ты сейчас не поможешь, я просто сяду на этот тротуар и буду сидеть, пока всё не станет нормальным. Или хотя бы менее странным.

Кот задумчиво почесал ухо задней лапой — жест, который в его исполнении выглядел как жест глубокого размышления.

— Есть идея, — произнёс он наконец. — Если почтовый ящик считает себя тобой, значит, ему нужно напомнить, кто тут главный. А лучший способ напомнить — это личная встреча. Пусть он тебя увидит, услышит и поймёт, что ты — это ты, а не какая-то его фантазия.

— Звучит логично, — медленно кивнул Арсений. — Настолько логично, что в этом мире это уже подозрительно.

— Зато работает, — невозмутимо ответил кот. — Я в прошлой жизни был консультантом по экзистенциальным кризисам у почтовых ящиков. Правда, тогда они только молчаливо грустили, а не вели переписку. Прогресс, увы, не всегда к лучшему.

Они двинулись к дому клиента — кот шёл впереди, будто знал дорогу лучше любого навигатора, а Арсений старался не думать о том, что следует за советом кота, который устраивает митинги против гравитации.

По пути одуванчики вдоль тротуара кивали им вслед, как будто одобряли миссию. Один даже попытался вручить Арсению пушистый шарик, словно пропуск или талисман. Арсений вежливо отказался, но одуванчик всё равно положил шарик ему на ботинок — видимо, в знак солидарности.

Когда они подошли к подъезду, почтовый ящик на стене слегка дрогнул, будто поёжился. И тут же из щели выскользнуло письмо. Оно спланировало вниз, аккуратно приземлилось на асфальт и развернулось, демонстрируя идеально ровный почерк:

«Уважаемый Арсений (или тот, кто притворяется Арсением). Я знаю, что вы придёте. И я готов к разговору. Но предупреждаю: я не откажусь от своей идентичности без боя».

Арсений переглянулся с котом.

— Ну вот, — вздохнул кот. — Теперь он ещё и драматизирует.

— Это не драматизм, — строго сказал почтовый ящик голосом неожиданно низким и бархатным, будто всю жизнь мечтал вести подкасты. — Это позиция.

Арсений присел на корточки, чтобы быть на одном уровне с ящиком — так, по его опыту, странные сущности становились чуть разговорчивее.

— Послушай, — начал он спокойно. — Ты отличный почтовый ящик. Серьёзно. Пунктуальный, вежливый, аккуратный. Но ты — не я. И если ты будешь рассылать письма от моего имени, у меня будут проблемы. Например, министр транспорта может подумать, что я всерьёз считаю гравитацию заговором канцелярии. А я, честно говоря, пока не готов к такой политической позиции.

Почтовый ящик помолчал. Потом тихонько лязгнул, будто нервно поправил петли.

— А если я буду писать только черновики? И показывать тебе? И если ты скажешь «нет», я не буду отправлять?

Арсений улыбнулся. Впервые за день ему показалось, что ситуация поддаётся урегулированию.

— Знаешь, это очень взрослое предложение. Давай попробуем.

Ящик тихо звякнул — кажется, это был звук облегчения.

Кот, до этого наблюдавший за переговорами с видом строгого судьи, одобрительно кивнул.

— Вот видишь, — сказал он Арсению. — Иногда достаточно просто поговорить. Даже с почтовым ящиком. Главное — не терять чувство юмора.

Арсений встал, отряхнул колени и посмотрел на мир вокруг: на одуванчики, которые теперь выглядели чуть менее подозрительно, на кота, который явно собирался требовать благодарности в виде целой миски сливок, на почтовый ящик, который уже начал аккуратно складывать входящее письмо в крошечный треугольник — видимо, тренировался в оригами.

День всё ещё был странным. Но теперь он был странным... по-хорошему. Как будто мир просто хотел, чтобы его выслушали.

Арсений уже почти поверил, что день начинает выравниваться. Ну, насколько вообще может «выравниваться» день, в котором ты договариваешься с тротуаром о нейтральной гравитации и принимаешь от одуванчика пушистый талисман. Талисман он, правда, незаметно стряхнул с ботинка в урну — не потому, что не верил в магию, а потому что боялся, что Лида увидит и запишет это в отчёт как «проявление повышенной тревожности».

Кот шёл впереди, время от времени оборачиваясь и бросая короткие, но выразительные взгляды — мол, «не отставай, тут район нервный». И район действительно был нервный: даже фонари будто старались светить чуть ярче обычного, как будто хотели всё разглядеть и потом дать показания.

Когда они подошли к подъезду, почтовый ящик снова дрогнул. На этот раз из щели не вылетело письмо — вместо этого ящик тихонько звякнул, словно прокашлялся перед важной речью.

— Я тут подумал, — произнёс он бархатным голосом, в котором теперь слышались нотки раскаяния. — Может, я и правда немного... увлёкся. Но ты пойми: столько лет сидишь, ждёшь писем, а они всё какие-то скучные. «Счёт за электричество», «Реклама пиццы», «Напоминание о записи к стоматологу»... Никакой драмы! А тут вдруг появилась возможность стать кем-то большим. Ну, хотя бы на пару писем.

Арсений присел на корточки — он уже понял, что с сущностями, у которых есть амбиции, лучше разговаривать на их уровне. Буквально.

— Слушай, я тебя понимаю. Скука — это тоже аномалия, мы в бюро это учитываем. Но давай договоримся: ты будешь вести драму, но не за мой счёт. Хочешь драмы — давай придумаем тебе собственный псевдоним. Например, «Граф Почтовый Ящик». Или «Барон Конверт». И ты сможешь писать письма от своего имени. Только не министру транспорта, ладно? Давай начнём с кого-нибудь поспокойнее. С соседки, например.

Ящик задумался. Петли тихонько скрипнули — кажется, это был кивок.

— «Барон Конверт»... Звучит. А подпись какая будет?

— Ну, например: «С уважением, Барон Конверт, хранитель почтовых тайн».

Ящик звякнул так, будто улыбнулся.

— Мне нравится. И знаешь что? Я даже не буду отправлять то письмо про гравитацию. Пусть это будет... черновик великого бунта.

Арсений выдохнул. Ещё одна аномалия мирно урегулирована. Почти.

В этот момент из подъезда выскочил одуванчик — да-да, тот самый, который раньше только вздыхал. Теперь он был весь взъерошенный, как будто бежал сюда со всех сил, и его пушинки развевались, словно плащ супергероя.

— Там внутри! — пропыхтел он, указывая стебельком куда-то вглубь подъезда. — Календарь! Он начал планировать жизнь хозяина квартиры! Уже записал: «В 14:00 — разговор с совестью», «В 15:30 — сожаление о выборе профессии», «В 17:00 — внезапное озарение, которое забудется через пять минут»!

Кот закатил глаза так выразительно, что даже одуванчик смутился.

— Опять эти календарные диктаторы, — проворчал кот. — Вечно им кажется, что они знают, как лучше. В прошлом году один календарь пытался заставить человека медитировать по расписанию. Три раза в день, строго по минутам. Человек чуть не сошёл с ума.

Арсений потёр виски.

— Ладно. Значит, у нас теперь не просто почтовый ящик с амбициями, а ещё и календарь-перфекционист. Классика жанра.

Они вошли в подъезд. Внутри пахло старыми газетами и лёгкой паникой. На стене висел календарь — самый обычный на вид, с фотографией осеннего парка. Но когда Арсений подошёл ближе, календарь вдруг подмигнул ему одним из чисел.

— Не подходи, — прошипел кот, загораживая Арсению путь. — Они сначала подмигивают, потом предлагают «оптимизировать твой день». А потом ты просыпаешься и понимаешь, что у тебя в расписании «10 минут на осмысление экзистенциального ужаса», и уже не знаешь, смеяться или плакать.

Календарь кашлянул — будто хотел показать, что он тут не для шуток.

— Я не диктатор, — заявил он неожиданно тонким голосом. — Я помощник. Просто хочу, чтобы люди успевали жить. А то всё бегут, бегут, а потом оказывается, что пропустили самое важное. Например, момент, когда кот смотрит на тебя так, будто знает все твои секреты. Или, когда одуванчик впервые решается заговорить.

Арсений замер. Этот календарь говорил не как аномалия. Он говорил как кто-то, кто слишком долго наблюдал за людьми и устал от их суеты.

— Знаешь, что, — тихо сказал Арсений. — Ты прав. Пропускать такие моменты — это действительно аномалия. Но планировать «сожаление о выборе профессии» на 15:30 — это перебор. Давай сделаем так: ты оставишь в расписании один пустой час. Просто «время для неожиданностей». И если ничего не случится — значит, это был час тишины. А если случится... ну, мы справимся.

Календарь помолчал. Потом аккуратно стёр строчку «сожаление о выборе профессии» — стёр не ластиком, а просто моргнул, и строчка исчезла.

— «Время для неожиданностей» ... Мне нравится. Это честно.

Кот фыркнул, но в этом фырканье теперь слышалось скорее одобрение, чем сарказм.

— Видишь? Иногда достаточно просто услышать, чего они хотят. У почтового ящика — признания, у календаря — чтобы его воспринимали всерьёз, у одуванчика... ну, у одуванчика, наверное, просто хочется, чтобы его заметили.

Одуванчик, стоявший рядом, скромно опустил головку, но было видно, что он доволен.

На обратном пути Арсений шёл чуть медленнее, чем обычно. Кот шагал рядом, уже не как консультант по экзистенциальным кризисам, а как напарник. А одуванчик семенил где-то между ними, время от времени подпрыгивая от радости — видимо, впервые в жизни чувствовал себя частью команды.

Когда они вернулись к офису, Лида выглянула из двери и прищурилась, будто пыталась угадать по их лицам, сколько аномалий они сегодня приручили.

— Ну? Что там с почтовым ящиком?

Арсений улыбнулся.

— Он теперь Барон Конверт. И больше не будет писать от моего имени. А ещё мы договорились с календарём: теперь у всех будет час для неожиданностей.

Лида хмыкнула, но в её глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Час для неожиданностей... Звучит как самое разумное расписание в этом городе.

Кофеварка в этот момент издала странный звук — не то, чтобы булькнула, не то, чтобы вздохнула, а будто сказала: «Наконец-то хоть кто-то понимает».

И Арсений вдруг понял: может, их работа и правда не в том, чтобы исправлять совпадения, а в том, чтобы помогать миру не забывать, что в нём есть место для чуда. Даже если это чудо — просто кот, который хочет, чтобы гравитация была чуть добрее, или почтовый ящик, мечтающий о великом.

Арсений открыл дверь в офис — и тут же чуть не споткнулся о журавля. Не бумажного, а самого настоящего... ну, почти: это была папка, которая наконец-то добила своего и сложила в идеальную фигуру оригами, а теперь пыталась взлететь. Журавль-папка сделал два

неуверенных взмаха картонными крыльями, врезался в настольную лампу, обиженно звякнул и спланировал на подоконник, где устроился с видом оскорблённой аристократии.

Лида сидела за столом и невозмутимо поправляла галстук на календаре — тот снова пытался выглядеть солидно и даже нацепил на себя крошечную наклейку «Я всё контролирую», но уголки листов у него предательски дрожали.

— Ты опоздал на три минуты, — спокойно сказала Лида, хотя в её голосе слышалось: «А за эти три минуты тут случилось примерно восемь апокалипсисов местного значения».

— Я договаривался о нейтральной гравитации, улаживал экзистенциальный кризис почтового ящика и спасал мир от календарного перфекционизма, — перечислил Арсений, вешая куртку на вешалку, которая на этот раз не стала капризничать и честно зацепила оба рукава. — Это не опоздание, это полевые работы.

Кот, который уже чувствовал себя в офисе как дома, спрыгнул с подоконника и приземлился с таким звуком, будто поставил печать на важном документе.

— И ещё мы договорились, что у всех будет час для неожиданностей, — добавил Арсений.

Лида замерла с карандашом в руке. Карандаш, кстати, тоже вёл себя странно: он не писал, а выводил на бумаге крошечные спирали, будто намекал, что линейная логика — это пережиток прошлого.

— Час для неожиданностей... — медленно повторила Лида. — Звучит как единственный разумный пункт в нашем расписании.

В этот момент одуванчик, который семенил за Арсением от самого подъезда, решительно вбежал в комнату и замер посередине, расправив пушинки, как плащ.

— Я хочу быть стажёром! — выпалил он.

Все помолчали. Даже кофеварка будто затаила дыхание.

Кот фыркнул, но без злости — скорее как старший коллега, который видит в новичке потенциал.

— Стажёром? А что ты умеешь?

— Я умею замечать мелочи! — гордо заявил одуванчик. — Например, я заметил, что лампа моргает в ритме вальса. И что у папки-журавля сегодня плохое настроение — он весь день хотел летать, а его всё время ставили на полку. И ещё... я умею сочувствовать. Это важно, когда ты — не человек.

Арсений переглянулся с Лидой. Лида чуть заметно кивнула — мол, пусть попробует.

— Ладно, — сказал Арсений. — Твой первый рабочий день. Задача простая: просто будь здесь. Иногда самое важное, что можно сделать, — это заметить, что кому-то хочется быть услышанным. Даже если это папка.

Папка-журавль на подоконнике слегка наклонил «голову», будто сказал: «Спасибо».

А потом дверь снова распахнулась, и в офис вбежала женщина в пальто, с зонтом, хотя на улице не было дождя.

— У меня чайник рассказывает мне сны! — выпалила она, переводя дыхание. — Не просто шумит, не просто свистит, а именно рассказывает! Вчера он поведал мне историю про далёкую страну, где все чашки умеют петь. Сегодня утром — про то, как сахар растворяется и становится частью чего-то большего. Я пыталась его выключить, а он вздохнул и сказал: «Ты не готова услышать финал». Что мне делать?!

Лида спокойно подвинула к ней бланк.

— Мы принимаем такие заявки, — сказала она с видом человека, который слышал всё, но ничему не удивляется. — Пожалуйста, укажите дату, время и, если помните, жанр сна: драма, комедия, притча?

Женщина моргнула, потом вдруг рассмеялась — нервно, но искренне.

— Притча... Наверное, притча. Потому что после этого я смотрела на свою чашку и думала: а вдруг она правда что-то знает?

Арсений сел напротив неё, стараясь выглядеть максимально спокойно — как будто каждый день выслушивает жалобы на говорящие чайники.

— Знаете, иногда вещи начинают говорить не потому, что с миром что-то не так, а потому, что нам нужно услышать что-то важное. Может, ваш чайник просто пытается сказать: «Посиди пять минут, выпей чаю и не торопись спасать мир».

Женщина снова рассмеялась, но теперь уже без напряжения.

— А если он начнёт рассказывать продолжение?

— Тогда мы запишем серию, — улыбнулся Арсений. — И, возможно, даже найдём ему литературного агента среди кофейников.

Кот одобрительно кивнул, будто подтверждал: да, такой подход работает.

Одуванчик тихо встал рядом с женщиной и тихонько шепнул:

— Если станет страшно — я тут. Я маленький, но я умею слушать.

Женщина посмотрела на него, потом на всех остальных, и вдруг улыбнулась так, будто впервые за долгое время поняла: она не сошла с ума, просто мир стал чуть более разговорчивым.

Когда она ушла — с бланком, обещанием вернуться и, кажется, с чуть более лёгким сердцем, — в офисе повисла уютная тишина. Даже папка-журавль перестала обиженно шуршать и теперь смотрела на всех с любопытством, как будто тоже хотела поучаствовать в разговоре.

Кофеварка наконец-то булькнула по-человечески и выдала три чашки кофе — ровно столько, сколько нужно.

Лида откинулась на стуле и вздохнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.